

Говард Филлипс Лавкрафт

Дерево

(The Tree)

На зеленом склоне горы Маэналус, в Аркадии, там, на руинах виллы росла олива, у надгробья, когда-то прекрасного и украшенного величественными скульптурами, но ныне, как и вилла разрушенного. Росла, эта, противоестественно огромная олива, на краю могилы, где ее любопытные корни разметали источенный временем мрамор, а само дерево приняло столь необычные, отталкивающие формы, так походившие на нелепого человека или искаженное смертью человеческое тело, что сельские жители по ночам, когда луна слабо освещала искривленные сучья, боялись проходить мимо. Гора Маэналус прежде служила обиталищем ужасному Пану, чьи эксцентричные спутники были многочисленны и простодушные деревенские жители верили, что дерево, должно быть, состоит в каком-то ужасном родстве с этими полными причуд последователями Пана; но старый пчеловод, живший в соседней хижине, поведал мне другую историю.

Давным-давно, когда стоявшая на холме вилла была нова и блистала великолепием, в ней обитали два скульптора: Калос и Мусидос. От Лидии до Неаполя превозносилась красота их работ, и никто не смел сказать, что в мастерстве один превзошел другого. Гермес работы Калоса стоял в мраморном храме в Коринфе, и Палада работы Мусидоса увенчивала колону в Афинах рядом с Парфеноном. Люди платили почтением Калосу и Мусидосу, поражаясь, что художественная ревность не охладила тепло их братской дружбы.

Но хотя Калос и Мусидос жили в неразрывной гармонии, их нрав не был схож. Пока Мусидос веселился в ночи среди развлечений Тегеи, Калос оставался дома, забираясь прочь от глаз рабов в холодное уединение в оливковой роще. Там он размышлял над видениями, что заполняли его разум, и там задумывались прекрасные фигуры, что позже становились бессмертными в дышащем мраморе. Впрочем, из-за того, что Калос работал без натурщиков, праздные люди утверждали, что он общается с духами рощи и его статуи не более чем изображения фавнов и дриад, встреченных там.

Калос и Мусидос были столь известны, что никто не удивился, когда Тиран Сиракуз прислал к ним делегатов с предложением изваять роскошную статую Тахе, что Тиран желал установить в своем городе. Статую громадных размеров и искусной работы желал Тиран, чтобы вызывать зависть государств и притягивать путешественников. Невероятна станет слава того, чья статуя будет одобрена, и к их чести, Калос и Мусидос, оба были избранны для выполнения работы. Их братская любовь была столь известна, что коварный Тиран предлагал работу обоим, предполагая, что они не только не станут скрывать свои творения, но и будут советовать и помогать друг другу, и так создадутся две скульптуры столь неслыханной красоты, что затмят сон поэта.

С радостью скульпторы одобрили предложение Тирана, и в следующие дни их рабы слышали непрерывный стук зубил. Ни Калос, ни Мусидос не скрывали друг от друга работу, однако работали они в одиночестве. И от того ничьи глаза не видели божественных фигур, освобожденных искусными ударами из грубых камней, что пленили их с рождения мира.

По ночам, как и прежде, Мусидос посещал банкетные залы в Тегее, пока Калос в одиночестве бродил по оливковой роще. Но время шло, и люди заметили недостаток веселья в когда-то искрящемся Мусидосе. Странно, - судачили они, - что уныние овладело человеком со столь огромными шансами получить высочайшую художественную награду. Шли месяцы, а унылое лицо Мусидоса оставалось прежним, точно в ожидании какой-то перемены.

Но когда Мусидос поведал о болезни Калоса, в его печали уже не было ничего удивительного, ведь глубина и святость привязанности скульпторов была широко известна. Впоследствии многие навещали Калоса и действительно заметили бледность на его лице, и еще счастливую безмятежность. Мусидос же, точно обезумев от тревог, отправил прочь рабов желая собственными руками кормить и прислуживать другу. Скрытые за тяжелыми занавесками стояли две незаконченные статуи Тахе, едва тронутые в последнее время больным и его преданным другом.

По мере того как Калос слабел, несмотря на усилия озадаченных врачей и неутомимого друга, он желал, чтобы его чаще выносили в рощу, что он так любил. Там он просил, чтобы его оставляли в одиночестве, точно собираясь общаться с невидимыми созданиями. Мусидос даже давал согласие на подобные просьбы, хотя глаза его заполнялись слезами от мысли, что Калос больше жаждет внимания фавнов и дриад чем его. Наконец смерть приблизилась вплотную, и мысли Калоса стали блуждать в иных мирах. Мусидос, плача обещал ему склеп прекрасней надгробия Мавзолея, но Калос просил его более не говорить о мраморном великолепии. Лишь одно желание обитало в разуме умирающего, чтобы веточка с определенного оливкового дерева из рощи была похоронена на его могиле рядом с его головой. И ночью, в одиночестве, сидя в оливковой роще, Калос умер. Неописуемо прекрасен был мраморный склеп, который ошеломленный смертью Мусидос высек для своего возлюбленного друга. Казалось никто кроме Калоса не смог бы создать этот барельеф, на котором изображалось бы все величие Елисейских полей. И Мусидос не смог не похоронить рядом с головой Калоса оливковую ветвь из рощи.

Поначалу неистовое горе, сменилось смирением, и Мусидос принялся усердно трудиться над статуей Тахе. Все почести теперь достанутся ему, так как Тиран Сиракуз не заказал работу никому кроме него и Калоса. В его упорном труде нашли выход эмоции, и он каждый день прилежно работал, избегая развлечений, которые он однажды покинул. Вечера же он проводились рядом со склепом своего друга, где молодая олива росла рядом с изголовьем спящего. Так быстро росло это дерево и так странны были его очертания, что все видевшие его поражались, а Мусидоса оно, казалось, одновременно восхищало и отталкивало.

Через три года после смерти Калоса, Мусидос отправил послание Тирану и на

торговой площади Тегеи шептались, что статуя закончена. К этому времени дерево у склепа приобрело удивительные размеры, превосходя прочие деревья своего вида, и расправило единственную тяжелую ветвь над комнатой в которой Мусидос работал. Многие посетители приходили увидеть чудовищное дерево, и столь же многие приходили полюбоваться искусством скульптора, так, что Мусидос редко бывал одинок. Но он не задумывался об огромном числе гостей, по правде, он казалось страшился оставаться один теперь, когда его всепоглощающая работа завершилась. Холодный же, горный ветер, сочась сквозь оливковую рощу и крону дерева на могиле, таинственным образом составлял едва различимые членораздельные звуки.

Тем вечером, когда эмиссары Тирана прибыли в Тегею, небеса были темны. И было доподлинно известно, что прибыли они перевезти великую статую Тахо и вознести вечную славу Мусидосу, и от того приняли их с большой сердечностью. Ночь принесла яростный порывы бури разбившейся о вершину горы Маэналус, и люди из Сиракуз были довольны, что уютно расположились в городе. Они рассказывали о своем прославленном Тиране и своем труде на него. А люди Тегеи рассказывали о добродетелях Мусидоса, и его тяжелом горе, и о его друге, так и не увенчанном за мастерство лавровым венком, и что возможно если бы он мог надеть лавровый венок вместо Калоса, то это бы его утешило. О дереве, что росло у могилы, рядом с головой Калоса, они так же рассказывали. Ветер пронзительно ревел все страшнее и сиракузцы и аркадцы молились Эолу.

В утреннем, солнечном свете тегейцы повели посыльных тирана вверх по склону к обиталищу скульптора, но ночной ветер совершил страшные вещи. Рабы рыдали на руинах, и среди оливковой рощи более не поднимались великолепные колоннады вокруг просторного зала, в котором Мусидос спал и упорно трудился. Эмиссары и тегейцы стояли охваченные ужасом, наблюдая среди развалин огромное, зловещее дерево, чей вид так походил на нелепого человека и чьи корни проникли в украшенную скульптурами гробницу Калоса. И страх и ужас лишь возрос, когда стали искать в разрушенном здании добродетельного Мусидоса и роскошную статую Тахе и не обнаружили ни малейших следов, ни Мусидоса, ни статуи. Среди руин обитал лишь хаос, и представители двух городов остались разочарованы; сиракузцам не досталась статуя, которую они увезли бы домой, тегейцы лишились скульптора, которого бы они увенчали. Тем не менее, через некоторое время сиракузцы получили великолепную статую из Афин, а тегейцы возвели над агорой чудесный храм прославляющий способности, добродетели и благочестие Мусидоса.

Но оливковая роща все еще стоит, как стоит дерево растущее у склепа Калоса, и старый пчеловод говорил мне, что временами ветви шепчут друг другу в ночном ветру, повторяя вновь и вновь. "Ойда! Ойда! - Я знаю! Я знаю!"

Перевод: Thrury

1999 год